

БЕСКОМПРОМИССНОСТЬ ДУШИ

ВРЕМЯ отсеивает случайное и мелкое. И вот теперь, когда нам яснее стали роль и место поэта и прозаика Александра Яшина в отечественной литературе, появилась эта книга. В нее вошли те строки, те мысли, которым по той или иной причине не нашлось места в прижизненных изданиях писателя, стихи и заметки за 30 лет — с 1937 до последнего, 1968 года жизни*.

Сборник свидетельствует о том, что нам уже было известно: Александр Яшин — удивительно цельный, последовательный, открытый человек, для которого криводушие, ложь, даже невинный обман — невозможны, немыслимы. В этом смысле ни неожиданностей, ни тайн здесь нет. Когда-то образ, давший название сборнику, появился в проповедническом, исповедальном обращении к читателям:

Берегите душу,
раздвигайте ее границы,
расширяйте ее полезную площадь,
чтобы приблизиться к будущему.

Теперь этот образ можно понять иначе: границы — на то они и границы, чтобы жестко и строго очерчивать нажитой душевный капитал, чтобы, оберегая его от искажений, с тем большей силой выносить его в мир, заново свидетельствовать о том, что открыл нам Яшин уже при жизни, на непреложном, чуть ли не роковом пути своем.

В основе его характера была трагическая негибкость, неуступчивость, бескомпромиссная, трудная твердость. Он словно заведомо был определен и создан для драмы, для кризисного напряжения душевных сил — и он пришел к ним с железной необходимостью, в контрастном, резко переломе многих представлений и впечатлений. Пересмотр предрассудков и заблуждений, совершенный во имя трепещущего в душе идеала, не мог не дасть столь сильному человеку большой ценой. Поэзия Яшина 60-х годов кровоточит, от ранних легких покаяний (друзьям: «Нету силы, нету воли, на подъем тяжел»; жене: «Не во всем твоей мечте я ра-

вен») он пришел к потрясшему его всецело трагическому прозрению. И чем сильнее была его первоначальная убежденность, тем с большим пристрастием проверял он ее, утверждал свою веру не опорой на догму и авторитет — ища подтверждений в жизненной практике...

Сравнительно немногочисленны в сборнике стихи, написанные до перелома. Быть может, составители (З. К. и Н. А. Яшины) очень требовательно отнеслись к этим произведениям, не являющим еще нам Яшина во всей полноте его человеческой сути, а может быть, главное уже давно выплеснулось в сборники стихов — не риску сказать наверняка. Во всяком случае те стихотворения, которые вошли в книгу, мало что добавляют к уже известному Яшину.

Особняком стоят здесь два крупных произведения военных лет: «Ленинградская поэма» и «Город гнева». Это, как пояснял сам Яшин, «зарисовки, сделанные в ходе великих боев». Автор наделен острым зрением, он строго и четко показывает нам военный быт, обозначая некоторые его подробности, детали. И вместе с тем в поэмах отдельные выразительные строфы и образы гаснут в неотреботанном материале, среди риторических восклицаний. В целом здесь не достигнута та степень художественного открытия, открывения, которая способна потрясти читателя. Поэт стал хроникером, ищущим призвание в том, чтоб оставить верные свидетельства очевидца, и агитатором, вдохновляющим солдат на бой...

Самый большой раздел сборника включает произведения зрелого Яшина. Для поэта в эти годы очень характерно стремление все успеть, до всего дойти, найти ответ на все «почему», стремление, обостренное чувством скоротечности и необратимости существования, убывания физических сил, предвидением близкого исхода. Жизнь неповторима, единственна — и потому должна быть оправдана каким-то смыслом, который выше ее: «Но ведь мне жить в этот отрезок. Другого отрезка у меня не будет». Долг художника и человека в этой ситуации — заострить сознание на главной цели существования. «Спешите делать добрые дела», скажет он в 1958-м году. «Когда все силы на исходе и стылость осени в крови, еще сильнее год от года по-

* Александр Яшин. Границы души. Стихи из дневников. Строфы. Лирические записи. Поэмы. М., «Современник», 1982.

«Гребность в жертвенной любви», — в 1962-м.
«Жалеть и любить», — в 1967-м...

Стих Яшина в этот период часто теряет пластическую завершенность формы и безмятежную законченность мысли. Он топорщится, царапает слух скачками ритма, растекается верлибрами. А главное — он либо звучит нотой недоумения или горечи и словно обрывается на полувыдохе, апеллируя этим обрывком к читателю, — или оборачивается проповедью, также ориентированной на слушателя, но не в меньшей мере примерной на себя. Непредумысленные признания, откровенная лирическая исповедь, напряженное осознание себя, трудная и тщательная рефлексия отличают поэзию Яшина:

С большим запозданием,
Как испытанье,
Настал мой период
Исканий, метаний.

Явные и скрытые вопросы заполняют пространство стихов Яшина. Видя свое призвание в поэтическом творчестве («От стихов, как от боли, никуда уйти не могу»), он именно здесь и предъявляет к себе главные претензии:

Наши мысли, и чаянья,
И бессильные сны,
И немое отчаянье —
Никому не видны.
А предчувствие страшное
Часто мучает зло:
Может, самое важное —
То, что впрок не пошло?
И напрасно растрчено
Столько сил, столько лет.
Кровью сердца оплачены
Книги те, коих нет.

Услышим еще раз этот самый тоскливый обертон смысла: главные поступки поэта — стихотворения — остались несвершенными, жизнь потрачена не на то... «Неправда губит таланты», — записал он в дневнике (1961 г.).

А еще через два года продолжил мысль: «Умри, внутренний редактор. Иначе я ничего не напишу...»

Высшая инстанция, с которой сверяет он свою жизнь, — родной народ, родная земля. Тот народ, который поэт отнюдь не идеализировал, но о котором мог без излишней оглядки сказать и так: «От этой речки быстрой лютого мужика вводи в Совет Министров, в Политбюро ЦК». Та земля, на которую он вернулся наконец, в чем-то существенном повторив параболу пути столь же страстного народолюбца — Некрасова. Об этой земле оставил Яшин исполненную лирического волнения и любовного трепета, настоящую поэму в прозе — «Бобришный Угор». «Вся Родина моя — Бобришный Угор. Поэзия — тоже он. Завершение моей жизни на Бобришном Угоре». Это вполне реальное место входит в средоточие этического поиска поэта, представляя за всю родную землю. В таком символическом значении Бобришный Угор обнаруживает себя в качестве главного критерия нравственности и правды, мерил всех первоначал. «Это благородное слияние всего себя с Родиной, — пишет Яшин, — животворящее, очистительное, святое чувство».

В сборнике «Границы души» есть и не столь связанные с основными вехами душевной жизни фрагменты, отрывки, мгновенные впечатления, эскизы в слове... Книга позволяет отчасти провидеть неосуществившуюся перспективу творчества Яшина. Поэт не умел жить вполсилы. Оттого еще острее запечатленная в стихах и отрывках последних лет драма ухода. Стремительный, трагически бескомпромиссный разбег и яркий взлет остались без разрешения в свободном полете... «Школа Яшина», если уместно говорить о таковой, есть школа нравственного беспокойства, совестливой самопроверки. Творчество писателя являет нам один из самых убедительных примеров мучительного и безраздельного отклика на зов правды и справедливости.

Е. ЕРМОЛИН

Источник: Ермолин Е. Бескомпромиссность души / Е. Ермолин // Север. — Петрозаводск, 1984. — № 11. — С. 112–113.